

УДК 949.711

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПАНСЛАВИЗМ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
РЕЦЕПЦИЯ ИДЕИ «БАЛКАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
В РАБОТАХ В.Я. БОГУЧАРСКОГО (ЯКОВЛЕВА)**

© 2020 г.

П.П. Рыхтик

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

rykhtikpavel@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.04.2020

Представлены результаты анализа рукописей историка В.Я. Богучарского (Яковлева) в период его пребывания на Балканском полуострове в 1910–1911 гг. Дано описание и анализ адаптации панславистского политического дискурса в сознании автора под влиянием пропаганды балканских социалистов на фоне политических кризисов в Османской империи и подъема социалистического движения в Болгарии и Греции.

Ключевые слова: В.Я. Богучарский (Яковлев), панславизм, социалистическое движение, Балканский регион, «балканская федерация».

Одной из актуальных тенденций отечественной балканистики стало пристальное внимание и особый подход к изучению образов Балкан и славянских народов [1]. Они конструировались в сознании путешественников, направлявшихся на Балканы с разными целями, и их поток увеличился за последние десятилетия XIX века. По возвращении на родину пилигримы тиражировали эти образы в публикуемых путевых записках, статьях, письмах или рисунках [2].

В центре внимания настоящей статьи находятся материалы фонда Василия Яковлевича Богучарского (Яковлева) (1860–1915)¹ в Российском государственном архиве литературы и искусства. Среди них единицы хранения 41 и 56, содержащие автографы его статей и путевые заметки, относящиеся ко времени пребывания Богучарского на Балканах в 1910–1911 гг. [3–5]. А также единица хранения 81, относящаяся к более раннему периоду, скорее всего, к 1906 г. [6]. Часть статей, хранящихся в РГАЛИ в виде рукописей и (в одном случае) машинописи, либо не были опубликованы в изначальном виде, либо их отдельные идеи использовались фрагментарно в публикациях, появившихся около 1913 г. на страницах журнала «Современник». Судя по всему, часть материалов использовались и позднее, при составлении предисловия к русскому изданию книги английского путешественника Э.Ф. Найта «Революционный переворот в Турции» в 1914 г. [7, с. 66–67]. Если же Богучарским и планировалась доработка балканских статей и заметок для более пространной публикации, то смерть автора в 1915 г. помешала этому замыслу.

Богучарского обычно относят к либеральному крылу историков революционного народни-

чества [8]. Основная часть его работ, опубликованная в России, посвящена критике отдельных представителей народнического движения, в частности, одиозного С.Г. Нечаева [9, с. 144–150]. Отчасти именно Богучарский породил в отечественной историографии саму традицию критики «нечаевщины» [10, с. 255]. Его же перу принадлежит один из самых ранних крупных трудов о партии «Народная воля» [11]. В нем автор жестко критикует радикальные и скоропалительные методы борьбы, избранные Исполнительным комитетом партии, – индивидуальный террор [9, с. 256]. В то же время в нем четко прослеживаются авторские симпатии к социалистической идеологии и к целям социалистического переустройства страны, но только через дарование народу на первом этапе либеральных прав и свобод для культивации его политической зрелости [11, с. 463–471].

В начале XX века в ходе следствия по делу журнала «Былое» Богучарский был сослан в Сибирь [12]. Позднее наказание смягчили, разрешив выехать за границу, где он и пребывал с 1910 по 1913 г., сначала на Балканах, прежде всего, в Болгарии, а с конца 1911 г. в Берлине. Оказавшись в условиях вынужденной эмиграции, Богучарский, предположительно, пребывал в стеснительном финансовом положении. Данное обстоятельство подвигло его заняться написанием путевых заметок и историко-аналитических статей о балканских социалистах для отечественных газет и журналов. В подтверждение этого тезиса свидетельствует, как минимум, один эпизод, всплывающий при анализе рукописей Богучарского. В конце статьи «Национальное движение и социальный вопрос в Турции», являющейся машинописной версией

статьи-заметки «Зарождение оттоманской социал-демократической партии в Турции» от июня 1910 г., перепечатанной в начале 1912 г. для отправки в журналы, после основного текста сохранилось обращение автора к одной из редакций. В нем автор просит указать в ответном письме, какие конкретно из его заметок и перепечаток были использованы в их журнале и «в какой мере [редакция] желает оплатить перепечатки» [3, л. 8].

Процессы, наблюдаемые на Балканах, преломлялись в сознании невольного путешественника через призму уже сложившегося ранее образа «малых» или «младших» балканских народов, стереотипного для представителя российской интеллигенции начала XX века. Это напрямую касается и восприятия процесса социалистических волнений в Салониках в 1910 г., что, впрочем, опосредованно позволяет судить и о том, как воспринимались эти волнения самими участниками событий [3]. Кроме того, в записях и статьях Богучарского раскрывается отношение к идеям «балканской федерации» – его собственное и местных социалистов. Из рассмотренных источников следует, что Богучарский в 1910–1911 гг. в Софии поддерживал прямые контакты с левой болгарской интеллигенцией [5, л. 7]. Кроме того, наблюдения автора накладывались на его более раннее заочное обращение к истории болгарского социализма [6].

Текстологический анализ рукописей Богучарского позволяет выявить слой первичной эмоциональной реакции автора в столкновении с увиденным и стремление подстроить новые впечатления под стереотипные образы «младших братьев». Все это проявляется в пометках, вставках и исправлениях исходного текста, которые сохранили рукописи.

Таким образом, они позволяют, с одной стороны, выявить особенности восприятия политической риторики балканского социалистического движения левым российским интеллектуалом (в прошлом народником). С другой стороны, они же позволяют понять эволюцию «устаревающего» дискурса в условиях политической нестабильности проблемного региона.

К началу XX века Балканы все труднее было представлять как единое целое [13, с. 46–54]. Разумеется, с географической или военно-стратегической точки зрения Балканский полуостров мыслился таковым лицами, приближенными к процессу принятия решений, например, в русском Генеральном штабе [14, № 3, с. 30–43]. Тем не менее при выработке решений ими учитывались различия политического, конфессионального, этнического характера. Таким образом, с одной стороны, Балканский регион

воспринимался как группа разобщенных и слабо тяготеющих друг к другу территорий. С другой стороны, к концу XIX века в европейском сознании уже сформировалось обобщенное пространственное представление о Балканах как особой зоне пересечения культурных и политических противоречий [15, р. 10–35].

Подобной ситуации способствовал целый ряд факторов, связанных, прежде всего, с исторической спецификой Балкан. В то же время извне он стал ареной противоборства ряда «великих держав» [16]. Первыми сигналами нарастания международной напряженности послужил на рубеже веков взрыв колониальных конфликтов [17, с. 12–27]. А в преддверии Первой Балканской войны внимание больших и малых держав привлекают территории, на протяжении долгого времени подконтрольные Османской империи, но населенные в основном сербами, албанцами, греками, болгарами. К началу XX века уже около столетия продолжалась борьба за освобождение от турецкого гнета, но она все еще не закончилась. В жаркой полемике разрабатывались проекты политического переустройства Балканского региона. Велись подобные дискуссии и между балканскими социалистами [18, с. 10–14]. Как отмечено Богучарским, неудивительно, что социалистические идеи нашли на Балканах широкий отклик, поскольку они подразумевали единство угнетаемых в борьбе за свободу [6, л. 2].

Россия к началу XX века ощущала свою особую миссию «старшей сестры-покровительницы» по отношению к близким ей южнославянским народам [19]. Постепенно на протяжении XIX столетия в русском сознании формировался образ «малых» угнетаемых балканских народов, взывающих к своей сестре с просьбой их защитить [20]. Славянская идея воплощалась в проектах объединения под эгидой России [21, с. 49]. Одна из их версий предполагала создание «балканской федерации». Такой вариант преобразований имел широкую связь с традицией панславистской идеологии. Со временем подобный проект уже рассматривался как отвечающий национальным интересам Российской империи на Балканах. Предполагалось создание федерации или конфедерации, в которую войдут лишь славянские политические единицы. В продвигаемом консерваторами варианте подразумевалось абсолютное преобладание России над остальными членами альянса [22, с. 17–18].

В свою очередь, по мнению Богучарского, важную роль в деле распространения социалистических идей на Балканах в начале XX века сыграл именно факт широкой популярности в этом регионе панславистских идей, продвигае-

мых Россией [4, л. 1]. Конкретно это относится, по-видимому, к той геополитической трактовке «панславизма», что была распространена у ряда поздних славянофилов или неославянофилов [23]. Согласно Богучарскому, к 1910 г. установление в Турции конституционного режима «повлекло за собой многочисленные политические события на Балканском полуострове²..., [что] дало сильный толчок к развитию культурно-политических стремлений среди населяющих полуостров народов» [4, л. 1]. Эти события не только обновляли политическую жизнь в Балканских странах, но и открывали новые горизонты для разрешения острого Восточного вопроса. Поэтому особую популярность к 1910 г. вновь неожиданно приобрела ранее мало разделявшаяся идея «балканской федерации». При том, что «всего два года назад» деспотичный режим Османской империи заставлял большинство воспринимать эту идею не иначе, как «утопическую химеру» [4, л. 1]. Причиной тому было очевидное всем нежелание Порты участвовать в подобном объединении до событий «хуриеты» (восстановления конституции). В описании данной ситуации Богучарский склонен к использованию возвышенных метафор. Им зачеркнута в тексте одна формулировка («федерация теряет всякий смысл») и заменена на другую: «[ранее «балканская федерация»] являлась бы лишь попыткой воскресить славянофильского смердящего Лазаря, т. е. задачу, разрешить которую среди людей, выросших из политических пеленок, на Балканском полуострове охотников там нашлось бы, разумеется, немного» [4, л. 2]. Тем самым автор раскрывал идею «балканской федерации» как удачное для русских панславистов продолжение их геополитических устремлений. Для Богучарского вполне очевидно, в какие глубины панславизма уходят своими корнями подобные проекты. К схожим выводам приходят и современные исследователи [24].

Особенную же остроту идея «федерации для защиты», как подчеркивает публицист, приобретает на фоне недавнего «немецкого «Drang nach Osten», связанного с аннексией Боснии и Герцеговины. Параллельно растет популярность и социалистических идей, тесно переплетенных, по мнению Богучарского, с федеративными. Саму аннексию автор прямо называет «убыточной», а значит, не связывает это событие с австро-венгерскими экономическими интересами, но только с военно-стратегическими. В итоге социальные опасности экономического и политического порабощения Балкан Австро-Венгрией осознаются в среде балканских народов, что укладывается и в интересы «родной по крови» России [4, л. 1].

Далее Богучарский специально останавливается на мнении, будто славянские народы только и ждут пришествия России на Балканы и установления власти «старшей сестры» над «малыми братьями». Из текста четко видно, что это популярное в русском обществе начала XX века и хорошо известное автору мнение, на его взгляд, не более чем миф. Для иллюстрации этого тезиса он ссылается на собственный опыт контактов с болгарской интеллигенцией и разъясняет, что в целом ее представители, напротив, равнодушны к таким идеям. Более того, они склонны относиться негативно к тем русским, что искренне верят в подобный миф [4, л. 1].

Зная же о симпатиях Богучарского к социализму, следует предположить следующее. Во-первых, очевидно его крайне ироничное восприятие любых проектов националистического толка, к которым относится и панславизм, и, как следствие, идея балканской федерации. Во-вторых, сама идея единства славян в его сознании или не была сформирована, или была вытеснена и заменена на идею всеобщего объединения людей разных национальностей по социалистическому образцу. Если он и разграничивает в своих заметках «русских» и «болгарских» революционеров, очевидно, он делает это не по национальному принципу, а по географическому [5, л. 7]. И в целом автор не прибегает к национальной терминологии без особой публицистической нужды. Идею же балканской федерации он поддерживает лишь в ее социалистическом изводе. Следование за болгарскими социалистами дезавуирует тот вариант «балканской федерации», который предполагал патронаж России [4].

Более того, Богучарский отрицает наличие в Болгарии серьезных сторонников панславизма русского толка. Они характеризуются как «мастодонты», толкующие о «демократической субстанции славянской души». Для большей части болгарских интеллигентов они «не интересны, и их мало кто слушает» [6, л. 1]. Сам по себе образ «мастодонта» как существа реликтового, выбренный автором, говорит об угасании, образном «вымирании» прежней панславистской идеологии, не интересной «юной» социал-демократии. В текстах В.Я. Богучарского отсутствуют образы страдающих славянских братьев, столь характерные для русского панславизма. Напротив, присутствует социалистическая риторика страдающего, но жаждущего революционного освобождения балканского пролетариата, образ «6000 рабочих, которых надо спасать от развращения их буржуазным ядом» [6, л. 2].

Симпатии автора склоняются к так называемым «широким» болгарским социалистам. В

отличие от социалистов «тесных», «широкие» «[смотрят] на вещи широким взглядом в условиях конкретной действительности» [6, л. 2]. В своих статьях и заметках он сравнивает «тесных» и «широких» болгарских социалистов с «нашими большевиками и меньшевиками» [3, л. 6]. Видимо, это делается для понимания описываемых автором явлений русскими читателями. Однако для историка революционных движений не могло не быть очевидным лишь формальное сходство русских и болгарских социалистических партий в зеркальности их раскола на «больших» и «малых» [25, с. 296–308]. Разная политическая действительность, в которой пребывали русские и болгарские социалисты, определяла специфику идеологических расхождений. Из заметок Богучарского прослеживается его более плотное знакомство с представителями «широкой», нежели «тесной» социалистической партии. Видимо, именно в беседах с ними, неосознанно или явно, в сознании автора оформлялась адаптация популярного ранее на Балканах панславистского дискурса.

Идею «балканской федерации» пропагандировали именно «широкие» социалисты [26]. Помимо них, она находила понимание у социалистов Сербии [27, с. 22]. Популярность этой идеи именно у социалистов двух стран объяснима независимым государственным статусом Болгарии и Сербии, их относительно высоким политическим весом на региональном уровне [28, с. 180–181], что позволяло если не претендовать на лидерство в рамках возможной федерации, то как минимум достойно оспаривать такое лидерство во взаимоотношениях с Россией и другими «великими державами». В свою очередь, для «тесных» болгарских социалистов было характерно крайне упрощенное понимание национальных стратегий, в особенности устремлений младотурок. Это приводило к тому, что такое течение, как «османизм», потенциально способное расширяться до масштаба балкано-азиатской конфедерации, практически не принималось во внимание в болгарской социалистической среде. «Тесные» просто отвергали такие концепции, видя в них сугубо протурецкий дискурс [7, с. 70]. «Широкие» же, хоть и были открыты для сотрудничества с турецкими социалистами, предпочитали концептуально оставаться в рамках идеи «балканской федерации».

Характеризуя социалистические волнения в Салониках 1910 г., в которые были вовлечены представители разных национальностей (славяне, греки и турки), Богучарский отмечает звучавшие в толпе призывы «к забвению национальных распрей <...> и солидарной работе освободившихся трудящихся от ига капитала»

[3, л. 1]. Это можно интерпретировать как идеологически мотивированное стремление Богучарского заменить старый дискурс панславизма новым социал-демократическим наречием.

Прежняя метафора «братства» преобразуется в «братство народов», независимо от этнического происхождения, по лекалам пролетарского интернационализма. При этом особый символизм событий Богучарский усматривал в следующем: лозунги единства звучат именно в Салониках, где много веков назад «апостол Павел лично провозгласил учение о том, что “несть эллин и иудей”». Далее в тексте заметки Богучарский напоминает о том, что из области Салоник происходили знаменитые создатели славянской письменности, братья Кирилл и Мефодий [3, л. 1]. Кирилло-мефодиевская традиция была равным образом приемлемой и для позднего панслависта В.И. Ламанского [29], и для умеренного социалиста Богучарского, и для самых широких слоев населения Балканского региона, во всяком случае, его православного ареала. В таком преломлении она сочеталась с идеями социалистического объединения вне национальных ограничений.

Более трудной задачей в таком идеологическом контексте представлялось вовлечение в орбиту движения турецкого населения Салоник. Формирующаяся символическая система еще не была в состоянии разорвать все связи с некоторыми элементами панславистского дискурса. А немногим ранее привлечь Турцию в федерацию казалось и вовсе утопичным. Но теперь, когда имперская концепция турок значительно ослабела, интернационализм на панславистской подкладке предлагался трудящимся мультиэтнического региона как альтернатива вражде. Сопоставительный анализ автографа рассматриваемой заметки и машинописной статьи, составленной на ее основе, показывает: ранняя рукописная версия в большей степени пересыпана «братским» сопереживанием Богучарского [3], пускай это «братство» понимается им здесь в ключе социализма.

Богучарский цитирует далее главного пропагандиста балканской федерации болгарского социалиста Х.Г. Раковского³: «Только в идее рабочего освобождения могут претвориться в здоровую смесь качества населяющих ваш город рас: творческое воображение эллина, логический ум семита, традиционная честность турка, альтруизм славянина». По сообщению Богучарского, эти слова были произнесены на салоницкой маевке 1910 г., на которую Раковский прибыл из Софии по специальному приглашению [3, л. 2]. Тезис Раковского целиком согласуется с написанным ранее Богучарским, с его

идеями историк и публицист захотел ознакомиться русскую публику.

Для Раковского и Богучарского «славяне» не делятся на составные части, нации и государства. Можно было бы объяснить это аудиторией Салоник, где национальное самосознание еще не вполне оформилось, а с точки зрения официальной Софии здесь превалировали македонские болгары. И тем не менее такое словоупотребление допустимо прочитывать шире, считая его наследием панславистского дискурса. Раковский не использовал ни этнонима «болгары», ни иного национального или этнического термина в отношении салоницких жителей, кроме именованного «славяне». Это особенно примечательно в свете его болгарского происхождения и патриотического подвижничества в ранней юности [18, с. 2–4]. Тем не менее здесь Раковский, теперь уже деятель Второго Интернационала, отходил далеко от национальной позиции.

Риторика социал-демократов не отменяла, но подменяла панславизм, включая в себя ряд его элементов. Актуальной политической риторике становилось «тесно» в сугубо «славянском» видении Балкан. В итоге «передовые» политические силы, какими мыслили себя социал-демократы, в предвоенной ситуации «порохового погреба» Европы стремились расширить (над)национальную программу, эксплуатируя в ней остаточные воспоминания о «славянской идее». Такой симбиоз характерен для проекта «балканской федерации», или «конфедерации», Раковского.

Главный подвижник этого проекта, он видел в нем возможность успешного преодоления вековых конфликтов, социального и политического прогресса на Балканском полуострове, защиты от внешнего империализма. Идея пролетарского общеполитического единства используется в полемике с тесными социалистами, критикуемыми за сектантство. При этом в проекте Раковского смело варьируются понятия «федерация», «конфедерация», «союз», так как он не усматривал в них принципиальных различий [18, с. 14–18].

Богучарский, в свою очередь, надеялся «на будущее зарождающейся новой [социалистической] партии в Турции». Он отмечал: «Уже одна исходящая от этой партии проповедь братства трудящихся <...> при страшной национальной вражде населяющих Балканский полуостров и Турцию в частности народов, сделает без сомнения свое плодотворное дело» [3, л. 2]. Если раньше социалисты вынужденно надеялись преимущественно и только на славян, теперь есть надежда на вовлечение в социалистическое движение всех балканских национальностей. Если «разные» славяне в теории еще мог-

ли найти друг в друге нечто общее, то исторические проблемы взаимодействия на просторах Балкан турок с иными народами полуострова не давали никакой надежды на подобный исход. Спасительным средством от вековых предубеждений, чреватых резней, социал-демократам представлялся, разумеется, пролетарский интернационализм. И это вопреки малочисленности рабочего класса.

Феномен социалистической адаптации, перерождения популярного дискурса панславизма объясним в ситуации сложного и многоуровневого политического кризиса в пространстве Балканского полуострова. Какая-то часть элементов «старого» языка переходила в «новый» практически неизменно. Те же элементы, что не соответствовали новым задачам и классовой точке зрения, не уходили из сознания бесследно. Они перестраивались в процессе «идеологической мимикрии» и продолжали использоваться в агитации для продвижения новых проектов и решений. В балканских заметках Богучарского заметна явная эмоциональная вовлеченность. В его сопереживании балканскому социалистическому движению видны особые симпатии к славянским социалистам. Риторические воплощения такой предрасположенности опирались на смысловые конструкции, столь характерные для русского панславизма. В пересказе позиции «широких» болгарских социалистов и, в частности, в обсуждении проекта «балканской федерации» Богучарский опять же использовал панславистскую риторику, стараясь лишить ее националистической окраски, но сохраняя ее конструктивные черты.

Примечания

1. Псевдоним связан с происхождением историка из Богучарского района Воронежской губернии. В отечественной историографии к настоящему моменту сложилось две традиции упоминания Василия Яковлевича: либо указывая фамилию и псевдоним через дефис, либо указывая фамилию в скобках после псевдонима.
2. Прежде всего подразумевались: провозглашение независимости Болгарии, аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, новая фаза македонского вопроса, антитурецкое восстание в Албании.
3. Христиан Георгиевич Раковский (1873–1941) – деятель международного социалистического движения, советский партийный руководитель и дипломат (см. подробнее: [18]).

Список литературы

1. Шемякин А.Л. «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Славянский альманах. М., 2004. С. 72–93.

2. Гусев Н.С. Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение. 2019. № 1. С. 3–14.
3. Богучарский В.Я. Зарождение оттоманской социал-демократической партии в Турции [автограф]; Богучарский В.Я. Национальное движение и социальный вопрос в Турции [машинопись] // РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. № 41. Л. 1–8.
4. Богучарский В.Я. Идея балканской федерации и балканские социалисты [автограф] // РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. № 56. Л. 1–2.
5. Беглые заметки В.Я. Богучарского, относящиеся к его пребыванию на Балканском полуострове 1910–1911 гг. [автограф] // РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. № 56. Л. 3–11.
6. Богучарский В.Я. Социалистическое движение в Болгарии [автограф] // РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. № 81. Л. 1–2.
7. Тортика М.В. Концепция «османизма» в политических оценках болгарской социал-демократии // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. № 1 (144). 2013. С. 63–70.
8. Ермичев А.А. Немного об истории кружка имени А.И. Герцена // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. № 3 (13). С. 132–135.
9. Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М.: Изд-во Сабашниковых, 1912. 383 с.
10. Тюкачев Н.А. Либеральная историография революционного народничества // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 3. С. 254–257.
11. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы 70-х и 80-х годов XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М.: Русская мысль, 1912. 490 с.
12. Искра Л.М. Революционный народник В.Я. Яковлев-Богучарский // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. тр. Воронеж, 2007. С. 3–23.
13. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985. 285 с.
14. Потапов Н.М. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.: Подгорица, 2003. 91 с.
15. Todorova M. *Imagining the Balkans*. N.Y.: Oxford University Press, Inc., 2009. 273 p.
16. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М.: Наука, 1994. 303 с.
17. Дрогозов И.Г. Англо-бурская война 1899–1902 гг. Мн.: Харвест, 2004. 400 с.
18. Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В. Жизненный путь Христиана Раковско-го, 1873–1941. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М.: Центрполиграф, 2014. 557 с.
19. Никифоров К.В. Россия и славянская идея в XX веке // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.: Сб. ст. / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2014. С. 9–18.
20. Белов М.В. «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: Балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 2. С. 96–112.
21. Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.
22. Белянкина В.Ю. Исторические проекты балканской федерации во внешнеполитических взглядах русской общественности второй половины XIX – начала XX века // Манускрипт. 2019. № 12. С. 13–18.
23. Кудряшев В.Н. Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 364. С. 65–71.
24. Ковтуненко М.К. Концепция политического панславизма И.И. Дусинского // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 222–227.
25. Краткая история Болгарии: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1987. 558 с.
26. Европейское социалистическое движение, 1914–1917: Разрубить или развязать узлы? / Отв. ред. Р.П. Гришина, И.И. Костюшко. М.: Наука, 1994. 293 с.
27. Искендеров П.А. Сербская социал-демократия и албанский вопрос // Знание. 2018. № 8 (60). С. 21–29.
28. Романенко С.А. Национальный вопрос и проблемы модернизации в концепциях югославянских социал-демократов Австро-Венгрии // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 9 (89). С. 178–195.
29. Болдин В.А., Прокудин Б.А. Эволюция панславистских взглядов В.И. Ламанского в начале XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 158–167.

**SOCIALIST PAN-SLAVISM IN THE EARLY 20TH CENTURY:
RECEPTION OF THE «BALKAN FEDERATION» IDEA
IN THE WORK OF V.YA. BOGUCHARSKY (YAKOVLEV)**

P.P. Rykhtik

This paper presents the results of the analysis of manuscripts of historian V.Ya. Bogucharsky (Yakovlev) written during his stay on the Balkan Peninsula in 1910–1911. We describe and analyze the adaptation of the pan-Slavic political discourse in the author's mind under the influence of Balkan socialists' propaganda, against the background of political crises in the Ottoman Empire and the rise of the socialist movement in Bulgaria and Greece.

Keywords: V.Ya. Bogucharsky (Yakovlev), pan-Slavism, socialist movement, Balkan region, «Balkan Federation».

References

1. Shemyakin A.L. «Mir detstva» serbov v putevyh zapiskah P.A. Rovinskogo // *Slavyanskij al'manah*. M., 2004. S. 72–93.
2. Gusev N.S. Yuzhnye slavyane v nachale XX veka: perspektivy i slozhnosti nauchnogo podhoda // *Slavyanovedenie*. 2019. № 1. S. 3–14.
3. Bogucharskij V.Ya. Zarozhdenie ottomanskoj social-demokraticeskoy partii v Turcii [avtograf]; Bogucharskij V.Ya. Nacional'noe dvizhenie i social'nyj vopros v Turcii [mashinopis'] // *RGALI*. F. 1696. Op. 1. № 41. L. 1–8.
4. Bogucharskij V.Ya. Ideya balkanskoj federacii i balkanskije socialisty [avtograf] // *RGALI*. F. 1696. Op. 1. № 56. L. 1–2.
5. Beglye zametki V.Ya. Bogucharskogo, odnosyashchiesya k ego prebyvaniyu na Balkanskom poluostrove 1910–1911 gg. [avtograf] // *RGALI*. F. 1696. Op. 1. № 56. L. 3–11.
6. Bogucharskij V.Ya. Socialisticheskoe dvizhenie v Bolgarii [avtograf] // *RGALI*. F. 1696. Op. 1. № 81. L. 1–2.
7. Tortika M.V. koncepciya «osmanizma» v politicheskikh ocenках bolgarskoj social-demokratii // *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istorija. Politologiya*. № 1 (144). 2013. S. 63–70.
8. Ermichev A.A. Nemnogoe ob istorii kruzhka imeni A.I. Gercena // *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2012. № 3 (13). S. 132–135.
9. Bogucharskij V.Ya. Aktivnoe narodnichestvo semidesyatyh godov. M.: Izd-vo Sabashnikovyh, 1912. 383 s.
10. Tyukachev N.A. Liberal'naya istoriografiya revolyucionnogo narodnichestva // *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2011. № 3. S. 254–257.
11. Bogucharskij V.Ya. Iz istorii politicheskoy bor'by 70-h i 80-h godov XIX veka. Partiya «Narodnoj voli», ee proiskhozhdenie, sud'by i gibel'. M.: Russkaya mysl', 1912. 490 s.
12. Iskra L.M. Revolyucionnyj narodnik V.Ya. Yakovlev-Bogucharskij // *Stranicy istorii i istoriografii otechestva: Sb. nauch. tr. Voronezh*, 2007. S. 3–23.
13. Pisarev Yu.A. Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoj mirovoj vojny. M.: Nauka, 1985. 285 s.
14. Potapov N.M. Russkij voennyj agent v Chernogorii. T. 1. Doneseniya, raporty, telegrammy, pis'ma 1902–1915 gg. M.: Podgorica, 2003. 91 s.
15. Todorova M. *Imagining the Balkans*. N.Y.: Oxford University Press, Inc., 2009. 273 p.
16. Pervaya mirovaya vojna: diskussionnye problemy istorii / *Otv. red. Yu.A. Pisarev, V.L. Mal'kov*. M.: Nauka, 1994. 303 s.
17. Drogovoz I.G. *Anglo-burskaya vojna 1899–1902 gg.* Mn.: Harvest, 2004. 400 s.
18. Chernyavskij G.I., Stanchev M.G., Tortika (Lobanova) M.V. *Zhiznennyj put' Hristiana Rakovskogo, 1873–1941. Evropeizm i bol'shevizm: neokonchennaya duel'*. M.: Centrpoligraf, 2014. 557 s.
19. Nikiforov K.V. Rossiya i slavyanskaya ideya v XX veke // *Balkany v evropejskikh politicheskikh proektah XIX–XXI vv.: Sb. st. / Otv. red. R.P. Grishina*. M., 2014. S. 9–18.
20. Belov M.V. «Molodye slavyanofily» na puti k «slavyanskomu bratstvu»: Balkanskije puteshestviya 1840-h gg. // *Slavyanovedenie*. 2017. № 2. S. 96–112.
21. Pavlenko O.V. *Panslavizm* // *Slavyanovedenie*. 1998. № 6. S. 43–60.
22. Belyankina V.Yu. Istoricheskie proekty balkanskoj federacii vo vneshepoliticheskikh vzglyadah russkoj obshchestvennosti vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka // *Manuskript*. 2019. № 12. S. 13–18.
23. Kudryashev V.N. Transformaciya slavyanofil'stva v panslavizm kak smena koncepcii russkogo nacionalizma // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. Vyp. 364. S. 65–71.
24. Kovtunenkov M.K. koncepciya politicheskogo panslavizma I.I. Dusinskogo // *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2015. № 3. S. 222–227.
25. *Kratkaya istoriya Bolgarii: S drevnejshih vremen do nashih dnei* / *Otv. red. G.G. Litavrin*. M.: Nauka, 1987. 558 s.
26. *Evropejskoe socialisticheskoe dvizhenie, 1914–1917: Razrubit' ili razvyazat' uzly?* / *Otv. red. R.P. Grishina, I.I. Kostyushko*. M.: Nauka, 1994. 293 s.
27. Iskenderov P.A. Serbskaya social-demokratiya i albanskij vopros // *Znanie*. 2018. № 8 (60). S. 21–29.
28. Romanenko S.A. Nacional'nyj vopros i problemy modernizacii v koncepciyah yugoslavjanskikh social-demokratov Avstro-Vengrii // *Vestnik RGGU. Seriya: Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 2012. № 9 (89). S. 178–195.
29. Boldin V.A., Prokudin B.A. Evolyuciya panslavistskikh vzglyadov V.I. Lamanskogo v nachale XX v. // *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2019. № 3 (60). S. 158–167.